

Видя серьёзное поведение Его Светлости, Хэ Ди рассмеялся в душе. Хоть красивое и изящное лицо сохраняло невозмутимость, к тому же руки, как и всё тело, были в крови, но, неизвестно почему, этот князь Мин никоим образом не вселял чувство страха. Да какой там страх?! Он даже не похож на кровожадного или безжалостного человека.

По своей природе чёрствый Хэ Ди, привыкший проявлять свой беспощадный талант в искусстве боя, был крайне искусен ещё в одном деле — взгляд ясных глаз наблюдал за противником, изучая каждое движение, каждый лёгкий жест, потому принц заметил, что блестящие глаза князя Мина, больше различавшие, где правда, а где ложь, обладали жизненной силой и способностью поднять рябь на зеркальной поверхности воды, вместе с тем они успокаивали, словно редкий кристалл, в котором не имелось ни единого изъяна.

После детального рассмотрения во взгляде этого убившего множество людей главаря пиратов, охваченного лёгким недоумением и гневом, сейчас читалось лишь одно: «Любопытно».

Однако на очевидно справедливое замечание Хэ Ди преуменьшил:

— Князь Мин действительно несправедливо обвинил меня. Даньлинь — лишь маленькое островное государство, потому как оно смеет оскорбить одновременно Силэй, Тун и род Сяо? Сегодняшнее происшествие не что иное, как простая вежливость.

— Вежливость? — У каждого, кто был на борту джонки рода Сяо, глаза округлились так, что стали размером с серебряный колокольчик и даже больше.

Серьёзно?!

— Вы всё это называете «добротой», — Хэ Ди демонстративно изогнул губы, нахально приукрашивая. — Молодой господин Сяо питает огромные намерения, а именно — очистить даньлиньские окрестности от морских разбойников и проложить путь к светящемуся песку, что находится в моей стране, дабы доставлять его во все одиннадцать государств. Когда этот принц услышал подобную новость, то очень сильно обрадовался. Проблема морского разбоя до сих пор вызывает у моего правящего дома чудовищную головную боль, а светящийся песок в Даньлинь повсюду, но, как назло, перевозить его нельзя, какая жалость!

При смерти князя Мина никто не поверил бы в этот жест «вежливости», вот только первая часть, сказанная даньлиньским принцем, всё же звучала благоразумно. Конечно, окажись там Цзы Янь, то он, наверняка бы, раскрыл фокус Хэ Ди.

Вообще, царствующий дом Даньлинь был давно в сговоре с морскими разбойниками: поднимая стоимость светящегося песка, они раскинули в даньлиньских водах своего рода защитную сеть.

— Есть у меня подозрение, что раз уж молодой господин рода Сяо осмелился бросить вызов даньлиньским морским пиратам, то в таком случае, конечно, с большей вероятностью войны с ними не избежать. Караван судов рода Сяо известен своей боеспособностью, а я, из-за морских

разбойников, никак не могу потренироваться в бою на воде. Князь Мин, прошу Хэ Ди простить за его небольшую заносчивость... — хоть на словах, которые слетали с уст легко и уверенно, Хэ Ди был уступчив, однако злобный блеск в глазах придавал ему вид устрашающего душу чудовища, а ехидная и безжалостная улыбка растягивала губы. Смотря на него, приходило осознание — принц совершенно не раскаивается, да что уж там, у него и мысли об этом не было, наоборот, равнодушно улыбнувшись, Хэ Ди начал утверждать: — В борьбе с морскими разбойниками я лично пришёл к выводу, что всё-таки нужно обладать небольшим опытом. Как гласит искусство войны: «Всё, что представлено в военных трактатах, мало чему научит, а вот тренировки, особенно с дружественной армией, которая по мощи не уступит вражеской, будут куда эффективнее». Потому, услышав, что князь Мин достиг Ханьжо, я специально приплыл сюда, чтобы потренироваться с князем Мином в боевом сражении.

«Потренироваться?!» — Фэн Мин обменялся со всеми растерянным взглядом. Если бы он, Его Светлость, не беспокоился об имидже, то наверняка открыл бы рот, роняя челюсть. — «Реки крови пролились, разрушен почти весь роскошный караван судов рода Сяо, и вдруг выясняется, что это тренировки?! Вот подлец, а!»

Хэ Ди вновь продолжил:

— Поэтому я приказал своим подчинённым использовать короткие наконечники, увеличить и нарастить оперения стрел, чтобы серьёзно не ранить людей князя Мина и не привести к жертвам, вместе с этим, дабы приблизить тренировки к военным действиям, приказал подчинённым смазать наконечники небольшим количеством малуань[1]. Таким образом, стрелы не могут забрать чью-либо жизнь, однако урон, а также потерю боевой мощи они всё же способны нанести. — Упомянув это, принц внезапно изменил тон, сделав его несколько печальным: — К сожалению, князь Мин не понял моей задумки, и пока мы шли на уступки, приказал своим подчинённым уничтожить всех моих людей, два войска хорошо обученных людей убиты, все до одного.

Переместившись душой на эту бrenную землю, где занял особое положение, Фэн Мин побывал и на севере, и на юге, повидав немало чудачков, но такого бессовестного и упрямого человека, с которым бесполезно было спорить, видел впервые.

Помимо вытаращенных глаз, у князя ещё и язык онемел от подобной наглости.

Мало того, что подвергся неожиданной атаке, так ещё и виноватым остался?!

— Вздор! — приглушённо буркнул Жун Ху. — Неожиданное нападение и есть неожиданное нападение, какие уж тренировки? Не поприветствовав даже, напали, устроив засаду глубокой ночью. Ясное дело, что Вы поступили постыдно, так ещё выворачиваетесь, как змея, оспаривая это. — Жун Ху пустил кровь с первого укола[2], даже Ло Юнь, услышав слова охранника Его Светлости, в душе крикнул восторженное «потрясающе!».

На что Хэ Ди возразил:

— Этот генерал наверняка никогда не имел дела с морскими разбойниками. Они сильны в

неожиданных нападениях, морские просторы необъятны, и куда бы ни поплыл, можешь попасть в западню. Война — крайне жестокое и беспощадное дело, если караван судов князя Мина даже противостоять неожиданной атаке не может, в таком случае я вынужден буду сказать, что данное учение пойдёт только на пользу, тем более для самого князя Мина. Если бы этот принц не поспешил сюда, то не исключена возможность, что князь Мин, непосредственно возглавляя караван судов, при выходе в море, да ещё при нынешнем положении рода Сяо, с трудом отбил бы от морских пиратов, и ему пришлось бы смириться с мыслью, что он может больше не вернуться живым в Силэй. В моих словах есть здравый смысл, и на Вашем месте, князь, не мешало бы сначала как следует поразмышлять над сказанным.

У всех мгновенно пропал дар речи. Конечно, никто не мог коснуться собственной совести. Вот только от простого учения Его Высочества, наоборот, исходило некое вздорное рассуждение. Едва оказавшись на реке Оман, род Сяо тотчас же был загнан в безвыходное положение, а если бы это случилось в необъятных морских просторах, то можно почти с уверенностью сказать, что надежд вернуться домой живым никаких не было бы. Неужели даньлинские разбойники и впрямь такие устрашающие?

Сам по себе князь не являлся агрессивным человеком, поскольку его поведение сказывалось на добрых именах, как Жун Тяня, так и рода Сяо; ему приходилось стараться воспрянуть духом, проявляя себя с лучшей стороны, и, не поддавшись запугиваниям со стороны противника, Фэн Мин слушал, с каким упорством настаивал Хэ Ди, после чего обнажил шелковинку крайне строгой холодной усмешки и нашёл в словах даньлинского принца одно слабое место:

— В море, вероятно, нет необходимости использовать так много брёвен, да? Неужели в море, как на реке Оман, есть верхнее и нижнее течение? Если принц только и хотел устроить кораблям рода Сяо тренировочный бой, тогда зачем подготовил такое смертоносное оружие, которое вот-вот отправит джонку моего рода Сяо на дно?

Не подозревая, что князь задаст подобный вопрос, Хэ Ди с лёгким удивлением уставился на Фэн Мина и внезапно, запрокинув голову, рассмеялся. Крайне надменно.

На что Ло Юнь с пронзительным холодом спросил:

— Не в состоянии дать ответа тотчас же рассмеялись, думаете, как выйти сухим из воды?

Смех немедля прекратился, словно замёрзнув от сквозившего в голосе льда. Хэ Ди, успокоившись, презрительно и равнодушно фыркнул:

— В море хоть и нет верхнего и нижнего течения, но есть множество скрытого течения, более того, там есть подводные камни с рифами, которые куда страшнее, чем спущенная на воду древесина. Морские разбойники перед тем, как вступить в схватку с врагом, могут завлечь или вынудить неприятельское судно заплывать на скрытое течение или напороться на рифы. Князь Мин, Вы смеете говорить мне, что лучше пиратов знаете расположение даньлинских вод? Вам известно, где в проливе обитель злых духов, заплыв в которую можно подвергнуть своё судно смертельной опасности?

Однако князь хранил молчание.

Сзади донёлся режущий слух звук — конечно же, то был столб с парусом главного корабля, что постепенно наклонялся, дав трещину. Огонь, охвативший до этого судно, уже потушили, однако серьёзный ущерб всё равно был нанесён, и затопление, а там и погружение ко дну, казалось делом времени.

Мышцы людей Его Светлости утомились, и силы иссякли[3], а большее число бойцов подверглось наркотическому воздействию, когда отравленные стрелы пронзили их, потому сейчас подавляющее большинство, оперевшись на свои мечи, хоть и могло твёрдо стоять на ногах, но почти целиком лишились боевой мощи. А главный виновник всего случившегося на их глазах неожиданно стал разглагольствовать, мол, это небольшая «вежливость».

Этот молодой господин рода Сяо и впрямь отведал вкус поражения. Однако защищать выживших подчинённых, а также Силэй и репутацию рода Сяо всё же обязанность Фэн Мина. Даже ради Жун Тяня не приемлемо давать волю сиюминутному упрямству. Ну, а после запугивания, вероятно... следует искать выход из затруднительного положения[4].

— В словах принца есть разумное зерно, — легко посетовал Фэн Мин.

Стоящие позади люди, до этого видевшие, с какой резкостью князь указал Хэ Ди на недостатки, полагали, что Его Светлость не сбавит своего упрямства, как он внезапно выдал эту фразу.

— Сегодняшнее ночное сражение заставило меня изменить мнение насчёт даньлинских морских разбойников. И хоть принц посреди ночи нанёс удар в качестве тренировки и заставил мой род Сяо понести серьёзные потери, однако в сравнении с благими намерениями принца, а также выгодой, которую можно будет в дальнейшем извлечь, это действительно пустяк. Фэн Мин принимает ниспосланную великую милость. — И, сложив руки в знак почтения, низко поклонился — на самом деле глубокий поклон являлся соблюдением правил этикета.

Множество людей по-прежнему находилось в оцепенении, а Фэн Мин уже поднялся и вновь искренне обратился к Хэ Ди:

— И раз уж у принца в душе таятся добрые намерения, прошу принца вернуть наших людей, только что пойманных им в воде. Что же касается убитых нами людей Вашего Высочества, Фэн Мин хочет отплатить, оказав денежную помощь, семейные драгоценности — пустяки, однако всё же немного загладят мою вину.

Только недавно спущенные на воду быстроходные лодки, по всей видимости, от атаки оказались опрокинуты, а люди, находящиеся в них, были либо убиты в этой суровой битве, либо, оказавшись в воде, схвачены врагом. Фэн Мин, как и все остальные, естественно, обратил внимание и тотчас запомнил пленных, но, к сожалению, невозможно разорваться, чтобы уследить за всем, даже его, князя, головная джонка вот-вот могла в скором времени оказаться в руках врага, потому весь экипаж вынужденно спешно вступил в схватку.

Сейчас было самое время для выдвижения данного требования. На самом деле, когда он склонял голову для приветствия, Ло Юнь вместе с Ло Дэном, а также остальными людьми Сяо Цзуна, растеряли чувство восхищения, которое только недавно охватывало сердца, но едва услышав выдвинутое условие молодого господина, внезапно отчасти вновь поменяли своё мнение насчёт умений юноши.

Хэ Ди повёл себя неожиданно приветливо и, совсем не колеблясь, кивнул:

— Разумеется, мы лишь спасли людей и совершенно не думали похищать их. Кун Лю, отпусти их.

Кун Лю, в свою очередь, также махнул сзади стоящим:

— Отпустить!

С палубы позади смутно можно было что-то разглядеть, однако вскоре все увидели, как на воду спустились несколько шлюпок, которые от головного корабля Хэ Ди поплыли напрямик в сторону большой джонки рода Сяо.

На быстроходных лодках находились в большей степени подчинённые Ло Дэна, в конце концов, здесь были ещё и личные отношения, потому увидев, как до этого считавшиеся обречёнными на смерть подчинённые чудом возвращаются обратно, даже такой услужливый управляющий, как Ло Дэн, выглядел слегка взволнованным, потому запросил разрешения у князя:

— Молодой господин, можно мне пойти посмотреть?

Фэн Мин кивнул, и мужчина, взяв с собой нескольких людей, спешно направился к дальнему борту головной джонки, куда должны были причалить шлюпки, где застыл в ожидании встречи. Конечно же, чтобы враг больше не схитрил, Ло Дэн, как и все остальные, всё ещё стискивал в руках меч: как только быстроходные лодки приблизятся и там окажутся какие-нибудь неизвестные люди, то подчинённые Фэн Мина тотчас же без малейших колебаний атакуют их.

Спустя долгое время Ло Юнь, подойдя к Фэн Мину, шёпотом доложил:

— Молодой господин, это действительно наши люди, и все они в безопасности.

На что князь неторопливо выдохнул с облегчением, слегка кивнув. После хороших новостей от Ло Юня к Его Светлости подошёл стоящий на другой стороне Жун Ху и доложил плохие вести:

— Князь Мин, головная джонка долго не протянет. Нужно как можно скорее высадиться на берег.

«Переваривая», что сказал Жун Ху, Фэн Мин наблюдал за положением на реке Оман. Воспользовавшись небольшим промежутком времени, несколько больших джонок рода Сяо, а так же корабль царствующего дядюшки Тун, едва пошатываясь, добрались до берега; Хэ Ди, напротив, действительно не хотел уничтожить их, в конце концов, его корабли не преграждали путь кораблям Фэн Мина. Теперь же нынешнее положение, наоборот, изменилось — лишь подвергшийся атаке невероятный и готовый в любое время затонуть корабль рода Сяо один-единёшенек остался на реке Оман, и напротив него стоял супермощный корабль противника.

Ло Нин, дождавшись, когда все члены семьи Сяо пристанут к берегу, только и мог, что с дальнего расстояния наблюдать за неизвестно что затевающими двумя головными кораблями, находящимися на середине реки Оман, более того, мужчина не осмелился безрассудно бросаться убивать, да и кто кого мог на воде убить, уже было понятно, а сейчас, казалось, наступил переломный момент, и, кто знает, какие последствия были бы от нецелесообразного действия?

Как было сказано ранее, если с молодым господином рода Сяо случится что-то плохое, то это, конечно, превосходно, ведь его смерть — то, чего так страстно желала младшая сестра Цяньцзянь. Но Ло Юнь, этот глупыш, также оставался на борту головной джонки, а его присутствие ничего хорошего для него, Ло Нина, и его младшей сестры не сулило.

— Управляющий Ло, мы же не станем тут отсиживаться? — следовавшие за ним люди Сяо Цзуна, которые сейчас плыли на втором судне, тревожились из-за создавшейся ситуации на реке Оман. Банда убийц редко так волновалась, более того, они непрерывно обращались к Ло Нину, спрашивая, вступить ли сейчас же в бой.

И это не удивительно, ведь на корабле остался молодой господин рода Сяо. Если по чистой случайности его убьют, а они в этот момент глазели с берега, то как потом смотреть в лицо старому господину? Ло Нин хоть выглядел невозмутимым, однако на самом деле всё его тело было покрыто потом.

Не следовало размещать Ло Юня на хозяйской джонке, иначе сейчас, отдав приказ атаковать неприятеля, пока тот ведёт переговоры с главным кораблём, можно бы сразу направить лезвие на молодого господина и нанести удар, тем самым безупречно[5] уничтожив князя Мина взятым взаймы ножом[6]. Ну а после смерти Фэн Мина у Ло Юня появится благоприятная возможность.

— Подождём ещё немного. — Ло Нин замолчал на довольно длительное время и равнодушно смотрел на огни, горящие над водной поверхностью реки Оман.

На самой же реке переговоры перешли в следующий раунд обсуждения. Второй принц Даньлинь говорил, сглаживая углы и увёртливо, однако ясное дело, что это именно он «вставил палки в колёса», и тут же притворялся — строя наглое лицо — что оказал милость, но, как назло, вражеских сил было больше, чем у Его Светлости князя Мина, который по природе был искренне очарователен, а сейчас, будучи сильным телом и обладая неким опытом, не смог не почувствовать, как склоняет голову под карнизом[7].

Он с неохотой без конца восторгался Хэ Ди, получив от последнего награду в виде возвращения живых людей рода Сяо. Затем...

— Много лет несу ночной караул и только сегодня заметил, как поистине хорош берег реки в ночном свете луны.

— Ваше Высочество.

— М?

— Прошу Ваше Высочество простить Фэн Мина, что не может вести беседы на живописном пейзаже реки Оман.

— Э? Почему?

— Поскольку, — князь непринуждённо пожал плечами и, жестом подняв рукава, обратил внимание Хэ Ди на всё больше накренившийся палубы: — Наша головная джонка скоро потонет.

— Это не помеха, — с лукавой улыбкой провозгласил Хэ Ди. — Мой корабль не тонет. Кун Лю, приблизить второй корабль, позволим князю Мину пересесть к нам на борт для дальнейшей беседы.

— Слушаюсь!

Цянь-цянь! — почти в мгновение послышался нестихающий лязг клинков, покидающих ножны.

Не только люди Его Светлости насторожились, хватаясь за оружие, но и сам Фэн Мин, который тотчас же вынул меч из ножен.

На что Хэ Ди спросил:

— Князь Мин, что это значит?

— Не хочу тревожить чистые помыслы принца, — чёрные омуты глаз ярко засияли, а сам князь спокойно отозвался: — Извините, у меня очень мало храбрости, и я боюсь быть похищенным. Если принц, мощь которого гораздо больше, чем моя, силой заставит ступить меня на свой борт, то я могу неправильно понять.

Хэ Ди гнусно поднял уголок губ:

— Но Ваша джонка скоро потонет.

— Ничего, — произнёс Фэн Мин, подчёркивая каждое слово, — я умею плавать.

— Я искренне хочу Вам помочь, а Вы сомневаетесь во мне?

Князь надменно вернул:

— Великую милость Вашего Высочества Фэн Мин не осмелится забыть и в будущем обязательно отплатит за Вашу помощь. Стоит только принцу согласиться отступить, и тогда Силэй, род Сяо, в том числе Дунфань, станут друзьями правящему роду Даньлинь.

— Отступить?! Не вопрос, — и Хэ Ди вновь без колебаний кивнул.

С таким, казавшимся порочным, человеком внезапно оказалось легко вести переговоры, что действительно изумляло. Хэ Ди безразлично добавил:

— Раз уж князь Мин сказал, что в будущем Силэй и род Сяо, в том числе Дунфань, станут друзьями моему царствующему роду Даньлинь, в таком случае прошу князя Мина подписать мирный договор.

Примечания:

[1] 麻 (má luán) — ма луань — иероглиф 麻 (ма) означает «онеметь, оцепенеть»; иероглиф 蘭 (луань) отсылает нас к водному растению бразении Шребера (или «водяному щиту»), у которого стебли длиной до двух метров. Погружённые в воду части растения покрыты студенистой слизью; само растение широко распространено в Азии и не только, встречается в долинах рек и мелководных озёрах, предпочитает илистые почвы.

[2] «Кровь с первого укола» — обр. в знач.: попасть в самую точку, не в бровь, а в глаз.

[3] Обр. в знач.: совершенно выбиться из сил; быть совершенно изнуренным.

[4] 下台阶 (xià táijiē) — сятайцзе — дословно «спускаться по ступенькам», обр. в знач.: выпутываться; выкручиваться; выходить из затруднительного положения.

[5] В оригинале фраза звучит как «платье небожителей не имеет швов», обр. в знач.: совершенный, безупречный, без изъянов, идеальный.

[6] Обр. в знач.: загребать жар чужими руками; делать грязную работу чужими руками. Отсылка к 3-ей стратагеме.

[7] Обр. о подчинении вышестоящим; о непреодолимых обстоятельствах, вынуждающих покориться.